

Окончание. Начало — на стр. 1

Александр ГАЛУШКА.

Есть три признака, три симптома, на мой взгляд, говорящих о том, что посткапитализм уже наступает, что наблюдаемые нами сильные тенденции — это уже не капитализм, это то, что после него.

Во-первых, это существующие уже несколько десятков лет отрицательные ставки на капитал. Как это в капитализме могут быть отрицательные ставки на капитал, что это за капитализм такой? Причём в реальном выражении отрицательные ставки практически во всех странах Запада, прежде всего — это США, Великобритания и еврозона, а в некоторых странах они даже номинально отрицательные, причём разрыв между уровнем инфляции и уровнем ставок увеличился до нескольких раз. Это явно не капитализм! Это симптом другого хозяйства, другой формации, другой экономики.

Во-вторых, это концепция гарантированного дохода. В капитализме не может быть незаработанного дохода, это нечто другое. Но ведь эта концепция не только всерьёз обсуждается — её пытаются реализовать на практике, многие страны эксперименты в данном направлении уже проводят. В разных формах: где-то деньги раздадут, где-то товарные и продуктовые сертификаты, которые позволяют бесплатно получить некоторые реальные блага. Это симптом чего? Это явный симптом посткапитализма.

И третий симптом, на мой взгляд, даже выходящий за пределы посткапитализма, постформационный симптом, — что очень долго существовавшая монополия государства на эмиссию денег испытывает очень серьёзные вызовы в виде появившихся криптовалют, которые в целом ряде стран признаны настолько, что ими даже можно платить налоги.

Все эти симптомы очень ярко свидетельствуют о том, что сегодня посткапитализм наступает, если не уже наступил. И необходимо формулировать его самим, потому что мы тридцать лет находились в капиталистической экономике, как было сказано, "на условиях вторичности", и важно, чтобы в посткапиталистической экономике эта наша историческая ошибка не повторилась. Мы не имеем права наступать на те же исторические грабли и находиться "на условиях вторичности".

Значит, надо формулировать наше будущее самим. При этом следует взглянуть на нерешённые исторические проблемы капитализма. Во-первых, это проблема социально-имущественного неравенства. В течение 250 лет, как показывает анализ, скорость накопления капитала была выше скорости увеличения экономики. И социально-имущественное неравенство — это

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА

Выступления авторов газеты «ЗАВТРА» на ПМЭФ-2022

проблема, которую капитализм за всё время своего существования не смог решить.

К этой проблеме добавляется проблема мирохозяйственного неравенства, когда уровень развития и богатства стран, которые образуют ядро мировой капиталистической системы, намного выше, чем у тех стран, которые входят в состав периферии или полупериферии данной системы. Очень яркий индикатор — тот факт, что страны периферии постоянно, перманентно являются нетто-экспортёрами капитала. Развивающиеся страны — экспортёры капитала для развитых стран.

Наконец, в-третьих, есть вопиющий разрыв между размерами реальной, физической, экономики и объёмом денежной массы. Объём мирового долга в 3,5 раза превышает объём мировой экономики. Это накопленные и нерешённые проблемы. И, формулируя экономику будущего, экономикую посткапитализма, мы, на мой взгляд, обязаны дать ответы на эти вопросы, предложить решение этих проблем и не воспроизводить их в будущем.

Добавлю к этому ещё одну проблему: проблему демографии в экономически развитых странах, потому что государствообразующие, титульные этносы всех развитых стран за последние полвека утратили способность к самовоспроизводству и, соответственно, утратили историческую перспективу. Россия в этом отношении важна для нас прежде всего. Поэтому, говоря о следующих тридцати годах, мы должны подвести черту под прошедшим тридцатилетием и, в конце концов, признать, что экономика — это не "приватизация, либерализация, инфляция", не в этом треугольнике она вертится, не вокруг этих вторичных, инструментальных вопросов должна строиться.

У экономики будущего должны быть три главные цели. Прежде всего, она должна делать людей счастливыми. Нельзя этого добиться только экономическими методами, но экономика очень сильно на это влияет. Второе — это не рост ВВП. Ориентация на рост ВВП является одной из форм укоренившегося экономического обмана. Рост реального благополучия людей, рост реального качества жизни граждан — вот та цель, которая должна быть у экономики будущего. И где-то на

втором или даже на третьем уровне приоритетов может быть рост ВВП. И третья цель — это создание и обеспечение условий для расширенного воспроизводства граждан России, в том числе — государствообразующего русского народа.

Если экономика будущего не отвечает данным целям, не говорит о том, как мы их будем достигать, не настраивает все действия на это, непонятно, зачем она. И на мой взгляд, если исходить из уроков прошлого, есть пять факторов, пять слагаемых, пять системообразующих характеристик экономики будущего.

Во-первых, в её рамках нет противопоставления "план или рынок". Это экономика, в рамках которой качественное государственное планирование и предпринимательская инициатива находятся в отношениях конвергенции, взаимодополняют друг друга, и это два мощных источника роста и развития, которые работают на достижение тех трёх целей экономик, о которых я уже сказал.

Второе — это экономика не сырьевая, а высокотехнологичная и высокодифференцированная. Очевидный вывод из прожитых тридцати "рыночных" лет — не может сырьевая экономика соответствовать масштабам нашей страны, её роли в мире. Сырьевая экономика не востребует людей, не содействует развитию человеческого потенциала, она просто недостаточна такой страны, как Россия. И, конечно, в этой связи целевое технологическое развитие, создание национальной системы науки, образования, инноваций — обязательное слагаемое экономики будущего. Как и вопрос денег.

Да, мы стали энергетической сверхдержавой. Но, я думаю, нам было бы очень здорово от энергетической сверхдержавы перейти к цифровой, используя для этого тот огромный профицит энергетических мощностей, который есть у нас в стране, стать главным майнером мира, стать лидером в создании и использовании цифровых финансовых активов. Не ради этих цифровых активов как таковых, а ради роста и развития экономики. Напомню в этой связи слова Кейнса о том, что создание денег есть особое творчество государства. И то, что нам нужно не догматически, не стереотипно, а новаторски, изобретательно создавать деньги в усло-

виях новой экономики, экономики будущего, исходя из целей и интересов её роста и развития, — это абсолютно точно. Некоторые из этих предложений описаны в книге "Кристалл роста. К русскому экономическому чуду" на уровне конкретных механизмов, конкретных технологий, конкретных денежно-кредитных моделей. Это может быть сделано.

Наконец, это культура хозяйства, культура ведения дела. И мне кажется, наш уникальный исторический опыт создания первой в мире антизатратной экономики, при которой "было дело — и цены снижались!", который затем был заимствован Японией, назван там "бережливым производством" и стал одним из столпов японского экономического чуда, — эта культура, которая своими корнями уходит в наш реальный исторический опыт, будет чрезвычайно полезна в качестве преобладающей модели хозяйствования.

Полагаю, что государственное планирование, лучшие технологии, целевые для развития деньги и развитое предпринимательство в значительной степени позволят добиться роста благосостояния граждан России, увеличения численности населения нашей страны, и людям станет счастливее жить в своей родной стране.

Сергей ГЛАЗЬЕВ, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии.

В Евразийской комиссии мы рассматриваем сотрудничество с Африкой как одно из важных, перспективных и приоритетных направлений. Два года назад были установлены формальные отношения с Африканским Союзом, и мы работаем над планом совместных действий. Как часто это бывает в отношениях между бюрократическими структурами, от наших больших межгосударственных организаций до конкретных инвестиционных проектов, до конкретных бизнес-инициатив, — дистанция огромного размера.

Поэтому мы в полной мере ощущаем необходимость активизации нашего взаимодействия. С этой целью отношения с Африканским Союзом дополняются развитием сотрудничества с отдельными странами, а также с субрегиональ-

ми объединениями, стимуляцией более целевых контактов с нашими африканскими партнёрами.

Действительно, у нас не только огромные возможности для сотрудничества — у нас, как представляется, сегодня и общие проблемы достаточно остро стоят, которые делают эти возможности сближения наших экономик более актуальными, более перспективными и более насыщенными.

Прежде всего, у нас, как в бизнесе говорят, хорошая кредитная история. У нас, может быть, не так много сделано и не так велик товарооборот, но наши отношения не омрачены какими-либо конфликтами. У нас за плечами большой опыт сотрудничества Советского Союза с африканским континентом, в ходе которого были построены многие предприятия, развивалась инфраструктура, обучались кадры. Поэтому мы легко находим общий язык с нашими африканскими партнёрами, и эта положительная история кредитного доверия сегодня дорогого стоит.

Так же, как и страны Африки, мы постоянно в течение нашей многовековой истории сталкивались с агрессией Запада, который и сейчас, в XXI веке, продолжает заниматься торговой войной, пытается эксплуатировать другие страны, выжимать из них сверхприбыли. У нас совсем другое отношение к партнёрству и сотрудничеству, и в той гибридной войне, которая сегодня развёрнута западным миром против всего человечества, мы со странами Африки имеем общие интересы, находимся по одну линию фронта, в этом нет никаких сомнений. И нам, чтобы в этой войне выстоять, необходимо укреплять наши экономические связи, необходимо создавать условия для раскрытия наших общих конкурентных преимуществ.

Здесь уже говорилось о важности перехода торговли в национальные валюты. Сейчас мы в Евразийском экономическом союзе работаем над созданием общего биржевого пространства, вместе с азиатскими и африканскими партнёрами мы фактически доминируем в производстве биржевых товаров. И если бы мы создали общее биржевое пространство, которое объединяло бы Евразийский Союз, азиатские страны и африканский континент, то, думаю, мы могли бы выровнять условия торгово-экономического обмена со странами Запада, сделать их более эффективными, более справедливыми и вместе сформировать новый мирохозяйственный уклад на основе соблюдения норм международного права, включая уважение национального суверенитета всех стран мира.

Я приглашаю к развитию сотрудничества в создании этой новой валютно-финансовой, торгово-экономической архитектуры. Мы только что обсуждали эту тематику с нашими коллегами из стран ШОС и АСЕАН. Я думаю, что эту работу нам нужно делать всем вместе.

Борис МАРЦИНКЕВИЧ

РУССКИЙ ВЕКТОР

Теория и практика энергетического централизма

СИТУАЦИЯ, КОТОРАЯ начала развиваться летом прошлого года, и называется энергетический кризис, уникальна. В силу того, что нефть и газ являются не только энергетическими ресурсами, но и сырьём для химической промышленности, в этой отрасли рост цен особенно заметен уже сейчас. Сильное влияние роста уровня цен на нефть и на газ неизбежно скажется в продовольственном секторе, который испытывает тройное влияние роста цен на углеводороды: растут расходы на нефтепродукты, необходимые для всех видов сельскохозяйственных работ, растут цены на тепловую и электрическую энергию, на сельскохозяйственные удобрения.

При этом важно помнить, что на день сегодняшний у России имеются все шансы на то, чтобы не только остаться своеобразным островом спокойствия среди волн откровенного безумия, охватившего пресловутый коллективный Запад, но и извлечь из этой ситуации максимум пользы для себя. Требуется анализ причин происходящего — анализ спокойный, лишённый эмоций, поскольку учиться нужно на чужих ошибках, пляски на граблях не должны стать нашим национальным видом спорта. Необходимо понять причины, по которым Запад сумел загнать себя в нынешнюю ситуацию, и нет ничего страшного в том, что такой анализ всё больше начинает напоминать работу патологоанатома. В конце концов, именно эти специалисты ставят максимально точные диагнозы пациентам, которые уже не мешают проводить диагностику.

Объединённая энергосистема Европы в корне отличается от ЕЭС России — если первая создавалась и развивалась в условиях рыночного капитализма, то архитектура ЕЭС СССР изначально была плановой. Это просто факт, и дело тут отнюдь не в идеологии или, если угодно, не только в идеологии. В классическом капитализме основное целеполагание для любой частной компании — получение прибыли и иные экономические интересы своих акционеров. Только так и никак иначе, без исключений, то есть и развитие энергосистемы шло с учётом вот этих аксиомы. Результат хорошо известен: на территории Европы, включая Британские острова, — пять объединённых энергетических систем, не синхронизированных между собой, шестой можно считать BALTSO, ОЭС республик Прибалтики, которая на сегодня синхронизирована с ЕЭС России. Синхронизация — это не только совпадение частотных характеристик при выработке и передаче электроэнергии, большое значение имеют ещё шесть характеристик. Есть синхронизация — есть возможность перетоков в объёмах, которые определяют только ЛЭП, и именно это мы видим у себя в России от Калининградской области до южных районов Якутии включительно. Нет синхронизации — перетоки могут быть только лимитированными, для их обеспечения требуется создание таких сложных устройств, как вставка постоянного тока (ВПТ). Наиболее простое, как мне кажется, описание ВПТ: это некий чёрный ящик, установленный на границе двух ОЭС с разными характеристиками переменного тока — ОЭС №1 и ОЭС №2. Переменный ток из ОЭС №1 внутри ВПТ сначала преобразуется в постоянный, а затем — снова в переменный, но уже со всеми характеристиками электрического тока в ОЭС №2. В результате электроэнергия из ОЭС №1 может передаваться в ОЭС №2 и, разумеется, ВПТ создают так, чтобы они одновременно обеспечивали и перетоки в обратном направлении, из ОЭС №2 в ОЭС №1.

Именно так связаны между собой ОЭС Европы — целая россыпь ВПТ, дорогостоящих и достаточно капризных. Примеры того, что работа с ВПТ — не фунт изюма, хорошо известны. Больше двух лет ушло на то, чтобы наладить передачу электроэнергии между Швецией и Литвой, то есть между ОЭС NORDELL и BALTSO, хотя за работу ВПТ отвечала такая серьёзная компания, как шведская ABV. Прошлой осенью случилась авария на ВПТ, обеспечивающей перетоки между Францией и Англией — ремонт занял более трёх месяцев. Но это уже детали, важен глобальный итог: связность энергосистемы России значительно выше, чем связность энергосистем Европы. Чем больше изолированных ОЭС, тем сложнее организовать перетоки в критические моменты, тем меньше надёжность энергосистемы. Вывод — на уровне капитана Очевидность, но нужно помнить о нерешённой с советских времен проблеме. ЕЭС России и ОЭС Востока не синхронизированы между собой, и даже запланированная ещё 10 лет тому назад ВПТ Могоча так и не реализована.

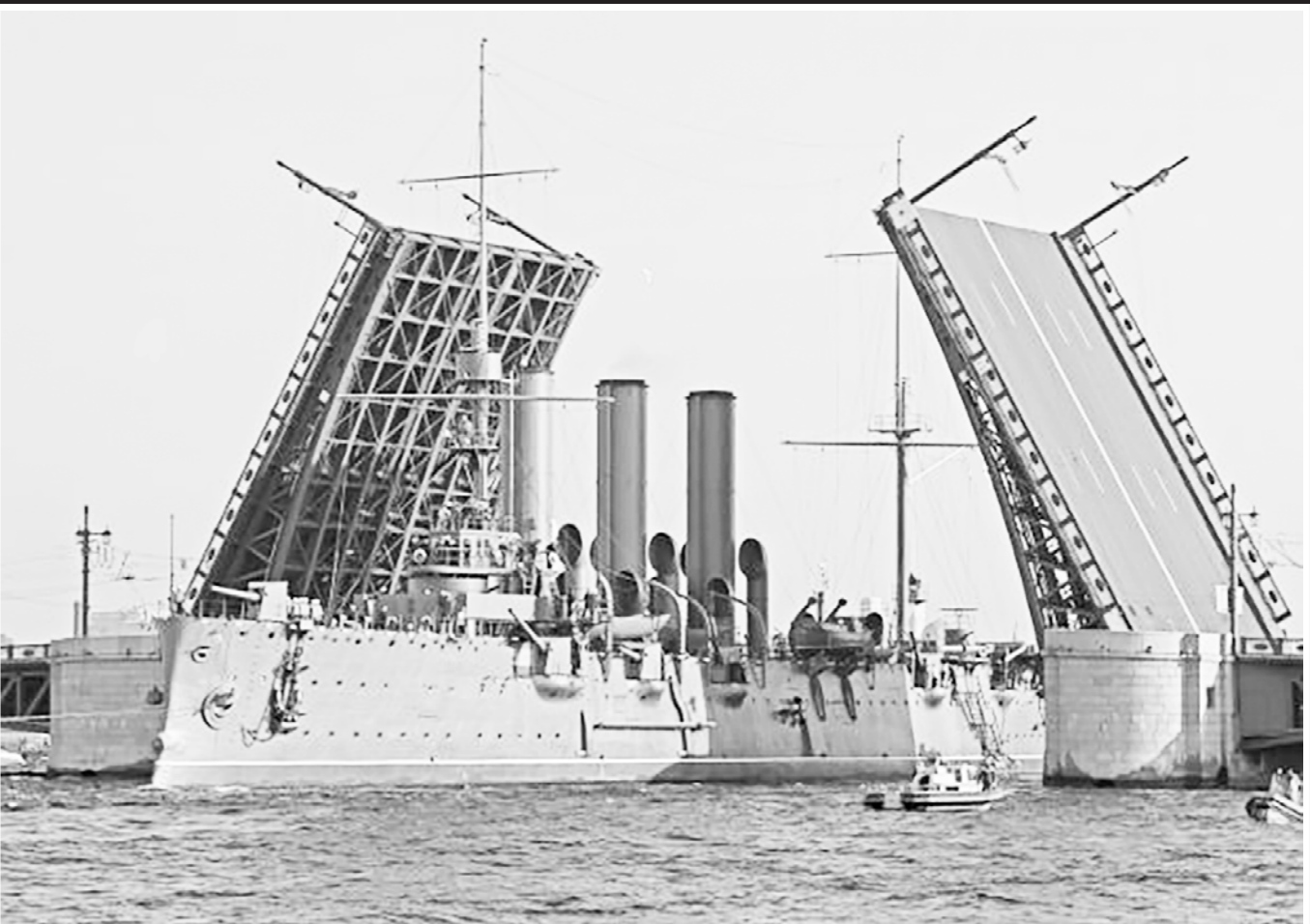
мощнейшее развитие получили все атомные технологии. Напомню, что и сегодня на планете имеются всего два завода по переработке ОЯТ — у нас и во Франции. Напомню, что именно во Франции было впервые разработано МОКС-топливо, эта страна первой научилась его использовать в обычных легководных реакторах. На сегодняшний день именно Франция является крупнейшим в мире экспортёром электроэнергии — поставки идут всем её соседям.

Третий сценарий выхода из нефтяного клинча был разработан и реализован Британией — после мощного скачка цен стала рентабельной морская добыча нефти и газа на месторождениях в Северном море. Объём добычи оказался настолько велик, что достаточно долгое время Англия обильно экспортировала оба вида углеводородов. О странах Восточной Европы говорить нет смысла: они в 70-е годы входили в состав СЭВА, так что, грубо говоря, чувствовали себя, как сыр в масле. Классический пример — СНГ Дружба, по которому сибирская и уральская нефть пришли в Чехословакию, в Венгрию, в Польшу и в ГДР.

Вроде бы всё было сделано красиво, в чём немало помогла гронингенская модель долгосрочного экспортного газового контракта. Главные особенности: долгосрочность, привязка к стоимости нефтяной корзины, вложенный принцип "плати илили качай", чётко оговорённые пункты передачи прав собственности. Эта модель лежит в основе формирования газовой системы Европы, практика использования такого вида контракта к тому моменту, когда туда пришёл советский газ, была уже прекрасно отработана, наш газ, скажем так, вошёл в Европу по прекрасно смазанным рельсам. Ещё один положительный момент — то, что к середине 70-х годов в Западной Европе рынок энергетики уже был поделён между небольшим количеством крупных компаний, в том числе и с государственным участием. Эти компании были весьма заинтересованы в плановом, предсказуемом режиме, когда заранее точно известны возможные объёмы поставок, когда можно без спешки, предсказуемо заниматься развитием газораспределительной системы, обустраивать ПХГ, наращивать количество пользователей. В этом характер развития газовой отрасли схож с нашим, советским, но есть и существенные различия, обусловленные, опять же, не политическими, а географическими и климатическими особенностями России и Европы. Да-да, я о наших суровых зимах, о том, что 2/3 энергетических ресурсов, используемых внутри России, используются для производства не электрической, а тепловой энергии. Величайший вклад советских энергетиков в развитие отрасли — разработка и использование когенерационного цикла для электростанций. Пар, используемый для выработки электрической энергии, не сразу отправляется на охлаждение в градирни и другие системы, а используется в теплообменниках для горячего теплоснабжения. При всех технических изощрениях последних лет КПД ТЭС не поднимается выше 35%, а КПД ТЭЦ уверенно демонстрирует 70% — вдвое выше. Вдвое больше пользы от сжигаемых энергоресурсов — этот результат невозможно превзойти в принципе. Самые современные энергоблоки АЭС — это КПД в 34%, КПД наших старённых ГРЭС — под 60%, новеньких — под 70%. Разница — колоссальная, значимость нашей системы централизованного теплоснабжения невозможно переоценить. Когда нам бормочут про энергосбережение, о том, какое оно в Европе замечательное, а в России — отвратительное, нужно просто держать в голове этот факт: у нас энергетические ресурсы используются в два раза экономнее. Это, конечно, не отрицает необходимости дальнейшего наращивания нашей энергоэффективности — ремонта, модернизации, совершенствования всей системы теплоснабжения, переход в строительстве зданий на современные стройматериалы и так далее. Но факт, пусть кому-то и кажется неудобным, имеет железобетонный характер: все европейские системы индивидуального отопления сегодняшнего дня в два раза затратнее, чем наше централизованное. И да, это тот случай, когда не было бы счастья, да несчастье помогло. Нацистская Европа, Евросоюз гитлеровского образца, долга, до основания разрушая нас с вами города и села, тем самым обеспечил возможность после своего неизбежного разгрома восстанавливать их на совершенно новой основе. Думаю, что звучит достаточно цинично, но из песни слова не выкинешь: необходимо строить с нуля улицы и кварталы, районы и целые города позволяла без всяких помех формировать продуманную систему централизованных: электроснабжения, теплоснабжения, водоснабжения, канализационных систем.

Да, я не скрываю — крайне отрицательно отношусь ко всем странам, пытающимся уничтожить Советский Союз, ко всему их списку, в котором не только Германия, но и Италия, Венгрия, Финляндия, Румыния, Испания и прочие поставщики добровольцев в легионы Ваффен-СС. Но эта европейская как-бы-цивилизация, чьё стремление физические уничтожить всех, кто не согласен с её правилами, умудрилась дать и положительный эффект. А вот гуманизм наших с вами великих предков, которые в своём освободительном походе отказывались от использования коварного бомбометания и прочих методов выжженной территории, дал, в числе прочего, и такой результат: за редким исключением в Европе нет централизованных теплоснабжения, их энергосистема более затратна, чем наша с вами. И никакие кризисы 70-х прошлого века, равно как и кризис нынешний, не дадут Европе шансов использования нашего, советского и российского подхода.

НЕ ОЧЕНЬ ОЧЕВИДНЫЙ и достаточно спорный вывод: попытки перехода на использование газовых турбин России не полезны. Напомню, что такое газовая турбина. Никакой воды и пара, в толпу под давлением подается газ и воздух, и раскаленные газы горения направляются непосредственно на лопатки турбин, ни о каком теплоснабжении речь не идёт в принципе. И героическая борьба нашего министерства торговли и этой-как-её-там-промышленности в суровой реальности России не нужна от слова вообще. Ну, нет у нас городов и других населённых пунктов, где не требуется отопление в зимний период. Использование газовых турбин в два раза увеличивает расход энергоресурсов — это инженерный факт, и этому факту плевать на все программы Минпромта. Используя такую технологию в Европе? И что — обещать-ничать прикажете, что ли? Нам нужна технология не газовых

Новая экономическая стратегия России будет опираться на великий советский опыт

турбин, а технология централизованного снабжения холодом в летнее время, благо с инженерной точки зрения она вполне возможна. У нас — возможна, поскольку позволяет использовать ту же инфраструктуру, которая уже создана для снабжения теплом. В Европе — невозможна, поскольку там нет системы централизованного теплоснабжения. Не использовать такое преимущество — скажем так, не рационально.

СОБЫТИЯ, которые привели Евросоюз к его нынешнему состоянию, начались в нулевые годы, сразу по окончании очередной волны его расширения, то есть после приёма стран Восточной Европы и республик Прибалтики. Эйфория — термин медицинский, но тут он точно применим. Принципы либеральной экономики, которые в конце 80-х прошлого века трещали по швам, внезапно получили конскую дозу анаболика — возможность грабить распавшийся Советский Союз, со всеми нашими ресурсами, технологиями, которые распределялись за гроши, за бусы, причём вместе с носителями этих технологий. Мы сейчас, и вполне справедливо, возмущаемся тем, что Запад украл у нас то ли 300 то ли 400 млрд долларов, которые наши многоумудрые деятели из финансово-экономического блока так старательно и аккуратно раскладывали по западным банкам. Если бы речь шла о наличных, можно было бы считать, что мадам из ЦБ и мужчина из Минфина складывали сразу в чемоданы на колёсиках, чтобы тащить удобнее было. Возмущаемся, но почему-то не вспоминаем о том, что 30 лет тому назад грабёж был ещё более откровенным и в разы более масштабным. Так или иначе, но 90-е годы и грабёж стран бывшего СССР помогли Западу купировать все нарастающие у него проблемы, а апологетами либеральной экономики этот грабёж дал повод скакать на одной ножке и орать "Она вернётся!". Это я к тому, что Галилео Галилея я, конечно, уважаю, но для меня Италия — родина Муссолини, который подарил Европе вообще и Италии в частности такое славное учение, как фашизм. Приём в ЕС стран Восточной Европы и республик Прибалтики — это не про демократию и прочие благотолпушты, это последовательное продолжение грабежа. Нет природных ресурсов? Не беда — выгребем трудоспособное белое население, среди которого заведомо нет исламских фундаменталистов и экстремистов. Христианское население, обучаемое профессиональным навыкам и языкам? Отличный товар, заверните. Территория прилагается? Также заверните — вдруг когда пригодится. Мы грабим всех — какой восторг!

Однако была и проблема — устав ЕС с его требованиями принятия решения консенсусом. Пока ЕС был компактным, это было нормально — страны-локомотивы были способны договориться друг с другом и дать отступного всяким мелким мельтешищим. Но этих мелких мельтешащих после 2004 года стало больше, договариваться с каждым по отдельности стало хлопотно, и потому началась централизация власти в руках Еврокомиссии, этого условного правительства ЕС. При этом система формирования Европейской комиссии (ЕК) просто воспитательна в глазах любого бюрократа: никакой системы выборности и никакой системы ответственности. Экспертот стран ЕС никак не влияет на то, кто и как получает титулы еврокомиссаров, экспертот стран ЕС не имеет никакой возможности взять евробюрократов за горло и спросить: "Ты чего наворочил, умственно и сексуально нетрадиционно ориентированный нехороший человек?" Жозе Баррозу, председатель ЕК с 2004 по 2014 годы — политолог по образованию. Сменявший его развесёлый Жан-Клод Юнкер — юрист, Урсула фон-дер — и вовсе фанатикот. Скажу мягко — не самые ответственные политики, зато фанатично преданные либеральным идеям, в торжестве которых они убедились на рубеже веков.

У либералов всё получилось — это ли не повод вбить либеральные принципы в ту отрасль, где они раньше были немыслимы? Прибыль прибыло, но руководители крупных европейских энергетических компаний всегда соблюдали два фундаментальных принципа — никогда не забывать об энергетической безопасности и обеспеченности. И во второй половине нулевых ЕК начала действовать. Государственные пакеты акций в энергетических компаниях — приватизировать. Виды деятельности — организовать разделить, дабы добыча и поставки отдельно, а хранение и распределение — отдельно. Почему? Так ведь тогда игроков на энергетическом рынке станет больше, они ка-а-ак начнут друг с другом конкурировать, ка-а-ак начнут цены снижать — и у потре-

бителей потекут молочные реки в кисельных берегах. Потому — доступ к не ими построенным ПХГ, магистральным распределительным сетям — всем жалающим! Крупные газовые компании Европы работали по принципу разумности и достаточности. Сдёрвешь с потребителя слишком много денег — обесит к угольщикам или вообще про мазут вспомнит. Попросишь мало — не хватит на расширение сети сбыта, поскольку для наращивания сбыта нужны распределительные газопроводы. Без суеты, без спешки, с выстраиванием долгосрочных отношений, с перестроивками. Но это же практически бунт на корабле — с компаниями такого уровня полномочия, капиталами многомиллиардных масштабов, с влиянием в крупном и среднем бизнесе пришлось бы договариваться, диктовать свои хотелки было нереально. И в ЕС возник термин "анбандлинг", на рынке возникли сотни перепродавцов, спекулянтов и посредников. Ставим галочку — так делать нельзя, на сотни компаний никакие слова о государственных интересах, о развитии страны просто не действуют.

Следующий шаг ЕК — ульпимативное требование тотального отказа от долгосрочных контрактов поставок и транзита, переориентация со стоимости нефтяной корзины на котировки спотовых площадок. Ставим галочку: ежегодные торги наших субъектов федерации и городов для приобретения необходимого населения угля — умышленный вред России. В прежние времена в ходу было слово саботаж, нынче это не модно, но из песни слова не выкинешь. Наша система госуправления не отказывается от этой практики, поскольку просто не понимает, насколько важны предсказуемость, плановость и стабильность как для потребителей, так и для производителей? Это ещё страшнее — глупость во все времена страшнее прямого предательства. Отказ от понимания того, что уголь для наших северных регионов — это навсегда, тоже не имеет логического обоснования. Да, вне всякого сомнения, природный газ как энергетический ресурс нашего экологичнее угля. Но газопровод к каждому северному посёлку с перезакладом инфраструктуры на случай внезапных заморозков осенью, весной, а кое-где и летом — не рационально и слишком затратно. А вот пиковая угольная котельная — рационально и экономически оправдано. Отказ от этой нехитрой житейской мудрости усугубляется тем, что в России весь угольный сектор — целиком и полностью частный, в нём под сотню больших, средних и малых игроков. И никаких координирующих усилий со стороны государства с целью объединения их возможностей и ресурсов для совершенствования технологий использования угля как энергоресурса.

От советского Министерства угольной промышленности остались только воспоминания, и все разработки, касающиеся электростанций со сверхкритическими и ультрасверхкритическими параметрами пара — в архивах. Там же, на пыльных полках уже наработки по более совершенным фильтрам, по использованию и переработке золы и шлака. Даже наша главная дальневосточная энергетическая компания — государственная РусГидро — не имеет возможности заключать хотя бы среднесрочные контракты с поставщиками угля. Ежегодные тендеры — это отсутствие стабильности для РусГидро, для уголедобывающих компаний, для нашей РЖД, для наших судовладельцев в тех случаях, когда речь идёт о северном завозе. Это — прямой урон нашим государственным интересам под громкие слова о наращивании конкуренции. Нам не слова, а стабильность и предсказуемость нужны. Но уже появилась первая ласточка, которой стоит желать счастливого полёта — РусГидро выступила инициатором создания Зольного союза, который ставит себе целью научиться справляться с миллиарднотонными накоплениями золы и шлака по всем нашим просторам. Так или иначе, ставим галочку — нам нужны, необходимы новые угольные технологии, нам нужны не просто прославленные дорожные карты от Министерства энергетики, а осязаемые координирующие усилия с его стороны. Альтернатива известна — Европа с десяток лет хором талдычила про декarbonизацию энергетики, а сейчас вынуждена восстанавливать и продлевать работу угольных энергоблоков, которые находятся в том виде, в котором их останавливали — с технологиями в лучшем случае конца прошлого века. Ставим галочку — любые всплески о том, что Газпром следует раздробить на куски за ради роста конкуренции должны пресекаться каплёным железом, а вот контроль государства, контроль со стороны всех нас, конечных потребителей, необходимо наращивать.